**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ СЕФЕВИДСКОГО ИРАНА
И МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
(первая половина XVII в.)**

Н. К. КОРГАНЯН

Как известно, в XIV—XVI вв. было в основном ликвидировано крупное феодальное землевладение армянской знати; захваченные земли стали достоянием монгольской, туркменской и курдской военно-кочевой знати¹. О том, сколь интенсивно протекал в Армении этот процесс дестипизации, можно судить по тому, что он имел место в сжатые исторические сроки, в результате чего в XVIII веке владетельные мслики (остатки потомственной феодальной аристократии) остались лишь в Лори, пяти округах Нагорного Карабаха, известных под названием «Хамсэй-э Карабах» или просто «Хамсэ», а также в Кадатаге, юго-западнее Карабаха.

Поэтому официальные власти стремились привлечь к себе и сделать своей опорой лояльные в отношении сефевидского режима элементы, каковыми среди армян были имущие слои—прежде всего купеческое сословие и духовенство. Армянская церковь искусно пользовалась данным обстоятельством для того, чтобы сохранять и, по мере возможности, укреплять свои позиции крупного феодала-землевладельца. Этому способствовало особое положение армянской церкви.

Ф. Энгельс указывал, что «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим», церковь, владевшая в каждой стране приблизительно третью всех земель, обладала внутри феодальной организации огромным могуществом, являлась реальной связью между различными странами. «Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия—все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»².

Аналогичные по своему характеру функции выполняла и армянская церковь, которая к тому же, после утраты армянами собственной государственности, оказалась носителем этнических, культурных и вообще национальных традиций, силой, консолидировавшей народ, что внушало официальным властям серьезные—и с их точки зрения весьма резонные—спасения, ибо, как известно, этническая консолидация любого из подвластных народов воспринималась шахской администрацией как угроза сефевидскому режиму. С другой стороны, понятно, что официальные власти стремились использовать огромное влияние церкви в своих целях—сделать армянскую церковь орудием своего влияния на народные массы. Именно с этой целью власти старались привлечь церковь на свою сторону путем предоставления ей определенных юридических и экономических льгот и привилегий. Как нам кажется, в данном

¹ Подробно см.: И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, с. 64—65; А. Д. Папизян. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ереван, 1972, с. 46—47.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. т. 21, с. 495.

случае мы имеем дело со своеобразным проявлением «политики обессиливания».

К числу упомянутых льгот и привилегий относится налоговый иммунитет, предоставлявшийся религиозным учреждениям либо отдельным представителям высшего духовенства. Со временем он все более ограничивался. Причинами этого были: а) общий рост налогового бремени, периодические изменения курса денег, необходимость нести расходы на содержание централизованного бюрократического аппарата и т. д., что побуждало искать все новые и новые облагаемые налогами объекты; б) опасения, что армянская церковь упрочит свои позиции как крупный феодальный землевладелец, превратится в своеобразное «государство в государстве», — тем более что церковь играла специфическую роль консолидирующей силы; в) необходимость считаться с фанатически настроенным высшим шиитским духовенством и придворной верхушкой, которые оказались не в состоянии понять гибкую политику Аббаса I и некоторых его преемников в отношении армян, прежде всего имущих слоев — ходжей и церкви.

Известно также, что, предоставляя льготы и привилегии определенным прослойкам армян, шахи руководствовались коммерческими и политическими интересами государства, но в то же время не останавливались ни перед грубым насилием, ни перед открытым произволом. В ряде случаев Араке́л Даври́жеци³ говорит о прямом участии шаха Аббаса I в подобного рода акциях.

Мульки и вакфы церковных учреждений постоянно были предметом посягательств со стороны как соответствующих местных чиновников, так и мусульманской феодальной знати, в результате чего церковные учреждения оказывались вынужденными вновь и вновь ходатайствовать о подтверждении своих собственностиских прав. В качестве примера вспомним известный указ беклербека Еревана — Ампр-Гуна-хана, изданный в 1620 г.⁴ Как явствует из документа, Ампр-Гуна-хан при помощи доверенного лица присвоил мульк (право взимания ренты) села Вагаршапат, которое еще в 1431 г. вместе с шестью другими селами было продано Амир-Рустамом Орбеляном, сыном Бешкена, католикосу Григору Маквечи и отдано последним в вакф Эчмиадзинскому монастырю.

В 1620 г., после того как представители братии монастыря предъявили в шариатском суде соответствующие *кабале* и *вакфнаме*, Ампр-гуна-хан публично отрекся от своих притязаний и «предоставил (мульк Вагаршапата) богомольцам», то есть возвратил законному владельцу — Эчмиадзинскому монастырю⁵. Однако некоторое время спустя мульком завладел его сын Тахмаспули-хан, занявший после смерти отца пост беклербека Араратской области. В 1636 г. Тахмаспули-хан добровольно сдал Ереванскую крепость османам, а сам бежал в Турцию; все его имущество, включая мульк села Вагаршапат, было конфисковано и, как пишет Акоб Джугаеци, включено в шахский домен, после чего в соответствующих *дафтарах* (реестрах) было записано распоряжение, чтобы мульк (в данном случае — рента) села Вагаршапат выплачивался в качестве *гонлуха* (жалованья) беклербеку Чухур-Са'да⁶. Отметим, что со

³ Араке́л Даври́жеци. Книга истории. Пер. с арм., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М., 1973.

⁴ См.: Персидские документы Матенадарана. I: Указы (далее ПУМ). Вып. 2. Составил А. Д. Папазян, Ереван, 1959, док. 14.

⁵ Там же.

⁶ Լ. Ս. Խաչիկյան. Հակոբ Զուղայեցու կտակը. — Պատմա-բանասիրական հանդես, 1966, № 4, էջ 181—182 (ախուհանի Հակոբ Զուղայեցու կտակը):

времени измены Тахмаспули-хана до занятия Акобом Джугаеци католикосского престола пост беклербека Еревана последовательно занимали 5 ханов⁷.

Отправившись «по издавна установленному порядку» в Исфахан для получения указа о своем назначении католикосом, Акоб Джугаеци подал прошение о восстановлении владельческих прав Эчмиадзинского монастыря в отношении села Вагаршапат. «Два года, много стараясь,— пишет он,— обивал я пороги вельмож, пока Господь не умилился и не смягчил сердце царя... вновь даровал он (шах Аббас II) Святому Престолу [мульк села Эчмиадзин]... Я побудил полностью вычеркнуть [это] из *дафтаров* и закрепил [мульк] за святым Эчмиадзином. А ныне правили пять ханов, милостью Святого Духа [мульк] прочно [закреплен] за Святым Престолом»⁸. Это сообщение Акоба Джугаеци в той или иной мере подтверждается не дошедшим до нас в оригинале указом шаха Аббаса II⁹. Указ издан в ответ на прошение католикоса Филиппоса Ахбакеци (1633—1655). Изложение указа содержится в труде Симеона Ереванци «Джамбр». В своем прошении Филиппос Ахбакеци жалуется на то, что Эчмиадзинский монастырь лишился возможности извлекать пользу из присоединения вод реки Гёзал-Дара к Касаху, ибо «другие едят» мульк села Вагаршапат, захваченный Тахмаспули-ханом вместо жалованья, в то время как село является «настоящей [собственностью Святого] Престола», то есть Эчмиадзинского монастыря. К прошению было приложено свидетельство тогдашнего беклербека Еревана Кейхосров-хана, просившего удовлетворить данную просьбу. «Посему,— пишет далее Симеон Ереванци,— шах написал *рагам*, жалую не только шесть дангов мулька села нашего (Вагаршапата,— Н. К.), но и все *мутахилы* (доходы,— Н. К.) его»¹⁰.

Как видно из приведенного выше сообщения Акоба Джугаеци, данный указ шаха Аббаса II от 1650 г. также оказался ни к чему не обязывающей бумагой, иначе вряд ли возникла бы надобность в новом ходатайстве—уже 6—7 лет спустя после издания указа. Далее, следует отметить, что Акоб Джугаеци явно выдает желаемое за действительное, утверждая, что при пяти ханах, правивших с 1658—1659 (время избрания Джугаеци католикосом) до 1677 (время написания «Завещания») гг., мульк села Вагаршапат был прочно закреплен за Эчмиадзинским монастырем.

В 1663 г. беклербеком Чухур-Са'да был назначен Аббаскули-хан, сын Амир-Гуна-хана. Аббаскули-хан затеял тяжбу с католикосом Акобом Джугаеци, добиваясь прав на мульк села Вагаршапат. В ответ на это Акоб Джугаеци показал Аббаскули-хану «древнее вакфнаме, которое мы упомянули выше» (по-видимому, Симеон Ереванци имеет в виду знакомое нам вакфнаме от 1431 г. и грамоту Амир-Гуна-хана от 1620 г.), чем вынудил беклербека письменно признать в присутствии Шар'а необоснованность своих претензий¹¹. Назначенный на место умершего в 1666 г. Аббаскули-хана Сафикули-хан проводил политику ограбления населения Араратской области. Об отношении нового беклербека к армянской церкви можно судить по тому, что он вступил в острый конфликт с католикосом Акобом Джугаеци, желая присвоить

⁷ Там же, с. 182.

⁸ Там же.

⁹ См. ПУМ, вып. 2, с. 431.

¹⁰ Սիմոն Երեւանցի, *Ջամբր. Վաղարշապատ, 1873, էջ 213, հմմտ. նույն տեղում, էջ 104.*

¹¹ Նույն տեղում, էջ 104—105.

либо купить за незначительную цену большое озеро Эчмнадзинского монастыря, бывшее источником солидных доходов¹².

Все это побудило Акоба Джугаеци обратиться в 1672 г. к шаху Сулейману I (1666—1694) с целью оградить от всяких посягательств владельческие права Эчмнадзинского монастыря на село Вагаршапат со всеми землями. Ходатайство Акоба Джугаеци было удовлетворено, и на имя католикоса был дан уже известный нам указ, представляющий немалый интерес для исследователей, ибо в приложенном к нему мисале содержится полный текст упомянутого выше вакфнаме от 1450 г. Надо думать, история мультка села Вагаршапат на этом не закончилась, однако ограничимся приведенными выше эпизодами.

Эчмнадзинский монастырь был вынужден отстаивать свои собственные права не только на Вагаршапат, но и на другие села и иные доходные объекты, являвшиеся либо купленными мультками, либо вакфами монастыря¹³.

В 1604 г. братия акулмеского монастыря апостола Фомы получила указ шаха Аббаса I, подтверждающий владельческие права монастыря в отношении вакфных мультков и касающийся порядка взимания налогов совместно с общиной села Акулмс (ПУМ, вып. 2, док. 4 и 6). Порядок, о котором идет речь, был установлен еще шахом Тахмаспом I и изложен в указах, изданных в 1544 и 1555 гг.¹⁴ Тем не менее, «не прошло и двух лет, как братия монастыря была вынуждена обратиться к шаху и с помощью нового указа восстановить свои поместные (владельческие,—Н. К.) права в отношении поместий и земель, расположенных в Дринсе, Вананде, Шороте и других местах»¹⁵. Как видим, не один лишь Эчмнадзинский монастырь был вынужден неоднократно отстаивать свои права феодала.

Считаем целесообразным коснуться далее еще одного характерного явления. Речь идет о попытках *райатов* сел, принадлежавших церквам и монастырям, избавиться от наложенных на них, а в ряде случаев навязанных им повинностей. На примере села Вагаршапат мы видели, что сельские общины брали на себя подобные обязательства с целью предотвратить присвоение их земель кредиторами-мусульманами либо их конфискацию в пользу государства. Однако крестьяне, как известно, не мирились с новым бременем и делали попытки отказаться от уплаты двойной ренты. Любопытно, что в подобных случаях церковь находила себе союзника в лице местных или центральных официальных властей.

В качестве примера можно упомянуть тяжбу между крестьянами села Татев, упорно отказывавшимися выплачивать за некоторые земли удвоенную, а иногда утроенную или большую ренту, и Татевским монастырем. Райаты неоднократно восставали и каждый раз монастырь обращался к местным государственным властям, которые насильственным образом взимали ренту: урожай снопами переносили на монастырский ток, однако после ухода чиновников крестьяне нападали на ток и возвращали отобранные у них снопы. Тяжба эта велась в 70—80-х годах XVII в. В частности, настоятель монастыря вардапет Ованнес обратился в 1683 г. с жалобой к шаху Сулейману. Излагая суть разногласий между монастырем и крестьянами и попутно сообщая ряд ценных сведений о монастырском хозяйстве Татева, вардапет Ованнес несколько

¹² Հակոբ Ջուղայեցու կտակը, էջ 182:

¹³ См. ПУМ, вып. 2, док. 11 и 27.

¹⁴ См. ПУМ, вып. 2, док. 4, 6, и вып. 1, док. 12, 14.

¹⁵ ПУМ, вып. 2, с. 384.

раз говорит о необходимости принуждать райатов к выполнению взятых на себя договорных обязательств¹⁶.

Думается, что помимо озабоченности по поводу возможного неуплаты доходов в государственную казну немалую роль играло стремление задобрить церковную верхушку, а также если и не обеспечить строгое соблюдение шариатского законодательства, то, по крайней мере, искусно создавать иллюзию его соблюдения: на примере истории мультка села Вагаршапат мы видели, сколь разительной может быть разница между духом и буквой закона, с одной стороны, и реальной практикой,—с другой. Вместе с тем подобные конфликты между райатами и местным духовенством были по-своему выгодны официальным властям, ибо разжигание упомянутых конфликтов было проявлением «политики обессиливания».

При этом любопытно, что в 20-е годы XVIII в., когда Араратская область оказалась под владычеством Турции, османские власти проявили аналогичный подход к данному вопросу, поэтому не только в персидских документах, изданных во времена кызылбашского господства, но и в османских баратах райатам предписывалось платить налоги и выполнять возложенные на них повинности «по издавна установленному порядку», «в установленном порядке» и т. п. Естественно, что в подобных случаях османские власти имели в виду порядок, установленный еще прежней, ссфевидской администрацией.

* * *

Таким образом, противоречивая по своему характеру политика, проводившаяся шахами Сефевидами и возглавляемой ими администрацией в отношении армянского народа, нашла свое отражение и во взаимоотношениях официальных властей с армянской церковью. Поскольку последняя выступала в качестве носительницы национальных—как этнических, так и культурных—традиций и представляла собой силу, вокруг которой консолидировался народ, в отношении ее не могли не проявиться уже известные нам три тесно связанные друг с другом тенденции: ассимиляторская, психология деэтнизации и «политика обессиливания».

Из «Книги историй» Аракела Даврижеци мы узнаём о фактах религиозных гонений не только на мирян, но и на духовенство¹⁷. Официальные власти искусно использовали междоусобную борьбу между Давидом Вагаршапатци и Мелкиседеком Гарнеци как для внесения раскола в церковную верхушку, так и для отягчения экономического положения Эчмнадзинского монастыря. Мы видели также, что вместе с этим феодальная собственность армянских церковных учреждений постоянно служила объектом посягательств со стороны местных феодалов и чиновников. Кроме того, утрате своего имущества церковными

¹⁶ Подробно см.: А. Д. Папазян. Указ. соч., с. 177—178, 203.

¹⁷ Имеются в виду главы XIII, XIV, XVII, XLIV—XLVIII, а также отрывок главы XXIII (см. Аракел Даврижеци. Указ. соч., с. 230—231). Если не считать глав XIII—XIV и отрывка главы XXIII, остальные главы написаны в соответствии с традиционными канонами агиографического жанра, причем автор пользовался и соответствующими выразительными средствами, а это побуждает нас подходить критически к указанным главам. Но в то же время известно, что Даврижеци специально заботился о достоверности своих сообщений и что за небольшими исключениями сообщения Даврижеци подтверждаются данными документальных и других источников. Следовательно, есть определенные основания полагать, что в основе этих повествований лежат реальные события.

учреждениями и прежде всего Эчмпадинским монастырем в немалой степени способствовал образ жизни, который вело высшее—и не только высшее—духовенство.

Однако в результате того, что в XIV—XVI вв. в Армении было в основном ликвидировано крупное феодальное светское землевладение и почти полностью истреблена армянская потомственная феодальная аристократия, официальные власти, как уже было сказано, стремились привлечь к себе купеческое сословие и духовенство. Церковь, со своей стороны, искусно пользовалась проявлениями благосклонности официальных властей с целью закрепления и упрочения своих позиций как крупного феодального собственника, приумножения своих владений и отстаивания своих прав феодала в случаях отказа райатов от выполнения кабальных условий.

В научной литературе либо опубликовано, либо процитировано, либо, наконец, прокомментировано множество документов о приобретении церквами и монастырями путем покупок мельниц, маслобоек, земельные участки и т. п., а также мульков на села, причем характерно, что в ряде случаев мульки приобретались постепенно, по частям. Например, в 1640—74 гг. католикосами Флиппосом Ахбакеци и Акобом Джугаеци в качестве собственности Эчмпадинского монастыря были постепенно куплены 3,5 дангов мулька села Ошакан, а в 1681 г., уже после смерти Акоба Джугаеци, оставшиеся полданга были переданы в вакф Эчмпадину. Другим способом расширения феодальных владений была отдача последних в вакф церквам и монастырям, должности настоятелей которых, передававшиеся затем по наследству из поколения в поколение, занимали при этом представители соответствующих родов.

Разумеется, нормы шарпатского законодательства, согласно которым каждый вакф считался «вечной собственностью» того религиозного учреждения, в дар которому он был принесен, и не подлежал отчуждению ни в какой форме, за исключением краткосрочной аренды, представляли собой—во всяком случае, теоретически—гарантию неприкосновенности подобной собственности. В то же время данный способ был сопряжен с риском, ибо вакфная собственность закреплялась за религиозным учреждением, но не за его главой. Последний, как известно, считался *мутавалли* (попечителем) владений религиозного учреждения и имел право расходовать доходы, получаемые с вакфного имущества, лишь на цели, которые указаны либо оговорены *вакифом* (отдающим в вакф) в соответствующем документе—*вакфнаме* или *кабале-вакфнаме*, *фетвах*.

Если после смерти (отстранения от власти, бегства, опалы) очередного мутавалли у него не оказывалось законных наследников, соответствующий феодальный род полностью утрачивал права на свое вотчинное имение. Именно опасения такого рода побуждали епископа Закарию Хавуцтареци воздержаться от передачи своих вотчинных имений в вакф монастырю Хавуцтара, настоятелем которого он являлся в конце XV—начале XVI вв.¹⁸

Далее, известно, что «форма принесения в вакф собственных «вотчинных» или «купленных» имений и наследственного владения долж-

¹⁸ См.: А. Д. Папазян. Указ. соч., с. 133—134. Говоря о случае с епископом Закарией Хавуцтареци, А. Д. Папазян отмечает, что здесь мы имеем дело с нетипичной формой монастырского землевладения: «...обладая землями, в пределах которых находится монастырь, он (Закария Хавуцтареци, — Н. К.), стремился еще более упрочить наследственные права своих преемников в отношении монастыря» (там же, с. 134).

ностью настоятеля того же монастыря была более распространена в Васпуракане, Арцахе, Сюнике и в тех районах исторической Армении, где до конца XIV—XV вв. продолжали существовать отпрыски армянских феодальных домов¹⁹. И если вспомнить еще раз, что на практике неприкосновенность вакфов соблюдалась не всегда и что налоговый иммунитет, которым пользовались вакфы, в XVII веке ограничивался, то станет очевидным, что были ограничены и возможности применения данного своеобразного способа сохранения права на наследственное владение вотчинными именьями.

На взаимоотношениях между официальными властями и армянской монофизитской церковью в немалой степени сказались заинтересованность шахского правительства в установлении и поддержании как политических, так и экономических связей с западноевропейскими странами. Как известно, далеко не последнюю роль в этих контактах играло купеческое сословие, в первую очередь Новой Джуги, с настроениями которого в немалой степени считались официальные власти. Это обстоятельство, с одной стороны, и опасения шахского правительства по поводу вероятности усиления и консолидации христианского элемента,— с другой, а также перемены во взаимоотношениях Ирана с теми или иными западноевропейскими странами позволяли армянской церкви—хоть и не всегда—с немалым успехом противостоять экспансионистским устремлениям католической церкви и стоящих за спиной последней правительств.

Из всего сказанного наглядно видно, насколько противоречивыми по своему характеру были взаимоотношения между официальными севидскими властями и армянской монофизитской церковью, которой в той или иной мере удавалось использовать в своих целях благоприятные для нее условия.

**ՍԵՖՅԱՆ ԻՐԱՆԻ ՊԱՇՏՈՆԱԿԱՆ ԻՇԽԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ԵՎ ՎԱՆԱԿԱՆ ՀՈՂԱՏԻՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
(XVII դարի առաջին կես)**

Ե. Կ. ՂՈՐԴԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ք ք ւ ւ մ

Հոգվածում փորձ է արվում ցույց տալ, որ սեֆյան Իրանի պաշտոնական իշխանությունների երկակի վերաբերմունքը հայոց եկեղեցու հանդեպ պայմանավորված էր հայերի նկատմամբ վարած քաղաքականության հակասական բնույթով, ընդ որում եկեղեցին օգտվում էր յուրաքանչյուր առիթից կամ բարենպաստ պարագայից, իր՝ իրրե խոշոր ֆեոդալ-կալվածատիրոջ, դիրքերն ամրապնդելու համար:

¹⁹ А. Д. Папаян. Указ. соч., с. 135.